

11. Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1901.
12. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002.
13. Леценко Р.Ф. Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 10–21.
14. Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексея Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – начала

- XVII веков) // Проблемы местного самоуправления Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 8–9.
15. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

Статья поступила
в редакцию 31.10.2013

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЦЫ И «ЛИТОВСКИЕ» КНИГИ

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Противники церковной реформы, начатой патриархом Никоном, с целью доказать незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви обратились к русским рукописям и изданиям Московского печатного двора. Постепенно начала формироваться система авторитетов старообрядчества, составленная из книг, которые были значимы и для оппонентов. В этот круг оказались включенными сборник «Кириллова книга» и «Книга о вере», изданные в Москве, но составленные из сочинений, написанных украинскими и белорусскими православными авторами в конце XVI – начале XVII в. Следующее поколение старообрядцев обратилось и к исходным текстам – изданиям типографий, находившихся на территории Литвы, Белоруссии и Украины, к так называемым «литовским» книгам. В них старообрядцы находили тексты, поддерживающие их позицию. В первой четверти XVIII в. эти книги оказались включенными в круг авторитетных.

В статье рассмотрен один из способов, которым старообрядцы придавали значимость «литовским» книгам. В Поморских ответах большое количество аргументов составили ссылки на печатные издания православных типографий Киевской митрополии, которые выделены в особый раздел, озаглавленный как «белорусские» или «белороссийские» книги. Этот термин выговцы употребили, явно ориентируясь на указ 1620 г., в котором православное население родственной митрополии обозначено как «белорусцы». Патриарх Филарет призывал относиться к ним с большой осторожностью, поскольку условия жизни в инославном окружении способствовали некоторым отступлениям от истинной веры, а для старообрядцев в начале XVIII в. термин «белорусские» стал синонимом слов «православные», «правильные».

Ключевые слова: Русская церковь, Киевская митрополия, раскол, XVIII в., старообрядчество, рукописи, печатные издания, «литовские» книги, Поморские ответы.

Общеизвестна значительная роль так называемых литовских книг, т. е. украинских, белорусских рукописей и печатных изданий конца XVI – начала XVII вв., в процессе выхода русского общества из духовного кризиса, особенно обострившегося после Смуты (см., напр.: [1; 2; 3]). Книжность Киевской митрополии оказала существенное влияние на формирование русской культуры раннего Нового времени, на освоение ею элементов европейской образованности. В конце XVI – начале XVII в. родственная митрополия, находясь на территории, входящей в состав Речи Посполитой, вынуждена была вести постоянные дискуссии с более изощренными в богословских спорах инославными и униатами. Это стимулировало написание соответствующих сочинений и их издание. В результате православными авторами было создано большое количество произведений антикатолической, антипротестантской и антиуниатской направленности на новом уровне осмысления спорных проблем, который сформировался

под непосредственным влиянием богословской мысли оппонентов и вполне соответствовал их уровню.

Эти произведения украинских и белорусских авторов оказались востребованными в Москве, поскольку после Смуты перед Церковью остро стоял вопрос преодоления кризисных явлений в обществе, не менее важной оказалась необходимость защиты православия перед лицом «латынян». С 1620-х гг. «литовские» книги получили достаточно широкое распространение в России, хотя Церковь относилась к ним настороженно, поскольку, по мнению русских книжников, иноконфессиональное влияние привело авторов к некоторым отступлениям от православия (см., напр.: [4]). Следствием явилось то, что патриарх Филарет попытался осуществить политику культурного и конфессионального изоляционизма.

Собор 1620 г. особенно ясно показал ее направленность. В решениях Собора говорилось о необходимости крестить заново приходящих в православие

инославных («латыня»), которые уже в названии Соборного изложения определялись как еретики¹. Особый указ регламентировал условия общения с единоверцами, приходящими из Киевской митрополии². В указе прослеживается настороженное отношение и к этой категории населения, что объясняется внутренними «несогласиями» в родственной митрополии. Об этом заявлено уже в первых строках: «Понеже аз, смиренный Филарет, патриарх Московский и всяя России, егда убо бых в Польском и Литовском государстве и многая в них виде несогласия церковная в самех тех христианах, яже суть белорусцы в них нарицаются» [5, с. 242]. Далее со знанием дела перечислены все варианты, которые, по мнению патриарха Филарета, означали некоторые «отступления» от православия, и определены возможные правила чиноприема этих христиан, пришедших в Россию. Все они обозначены как «белорусцы».

Политика патриарха Филарета, стремившегося изолировать Россию от инославного влияния, а возможно, и первые неудачные попытки использовать произведения авторов из родственной митрополии (речь идет об издании Катехизиса Лаврентия Зизания. См.: [6, с. 292–353]) привели к появлению указа 1627 г. о запрете распространения и использования в Московском государстве «литовских» книг, т. е. украинских и белорусских рукописей и печатных изданий. Как убедительно показал современный исследователь А.А. Булычев, эта кампания была кратковременной и преследовала не столько вероохранительные, сколько политические цели [7]. Несмотря на политику культурного и религиозного изоляционизма, провозглашенную патриархом Филаретом, творческое наследие Киевской митрополии постепенно осваивалось Русской церковью.

Во второй половине 1630-х гг. начинает меняться и отношение к «литовским» книгам, запрет на их проникновение и употребление сменяется сначала на более терпимое, хотя и настороженное отношение, а затем наблюдается явное послабление в отношении украинско-белорусских изданий. Ярким свидетельством ориентации Русской церкви на творческое наследие Киевской митрополии стало издание в Москве сборника «Кириллова книга» (1644 г.) и «Книги о вере» (1648 г.), которые были составлены из сочинений украинских и белорусских авторов конца XVI – начала XVII в., адаптированных для русского читателя (об этих изданиях см.: [2]). Б.Н. Флоря, обратив внимание на эволюцию взаимоотношений киевского митрополита Петра (Могилы) и русской власти, ввел в научный оборот новый документальный материал, относящийся к посольствам в Москву из Киева [8].

¹ «О крещении латынь и о их ересех» см.: [5, с. 213].

² «Указ, како изысковати и о самех белорусцев, иже приходящих от Польскаго и от Литовскаго государства... и хотящих быти с нами вкупе христианы, и коих из тех белорусцев крестити достоит или миром помазывать, и како действовать о них, еже к просвещенным христианом сочетовати их». См.: [5, л. 242–246 об.].

Для нашей темы особенно важным представляется информация о том, что в качестве ответного дара Петру Могиле в 1644 г., кроме обычного «жалованья», были переданы книги, в том числе «Книга Кирилла, Патриарха Иеросалимского», напечатанная в Москве. Экземпляры книги были также вручены членам посольства. Исследователь справедливо предположил, что «такими демонстративными жестами правящие круги в Москве показывали свое положительное отношение к западнорусской книжности» [8, с. 185]. Возможно, это была попытка показать киевскому митрополиту, что именно из этого наследия готова воспринять Русская церковь и в каком виде.

Ориентацию на ученость родственной митрополии Москва подтвердила изданием в 1648 г. «Книги о вере», текст которой, по очень точному замечанию Н.Ф. Каптерева, «есть уже прямо чисто южнорусское произведение, только переведенное с белорусского наречия на великорусское и в Москве напечатанное» [9, с. 22–23]. Долгое время авторство этой компиляции, составленной на основании того же круга южнорусских сочинений, что и сборник «Кириллова книга», приписывалось игумену Киевского Михайловского монастыря Нафанаилу [10, с. 67].

Современная исследовательница Н.В. Савельева, опираясь на уже проделанную исследователями работу по изучению московского издания «Книги о вере», вводя в научный оборот новые документальные свидетельства и уточнив интерпретации уже известных, сумела установить, что автором этого своеобразного религиозного учебника был игумен Гедеон – настоятель Крестовоздвиженского Бизюкова монастыря, перу которого, по ее мнению, принадлежат еще две книги – «Альфа и Омега» и «Зерцало духовное». В результате Н.В. Савельевой удалось представить творческое наследие этого неизвестного ранее западнорусского автора в качестве весьма «значимого для истории и культуры России» [11; 12]. В первую очередь это связано с тем обстоятельством, что эти три книги, как и сборник «Кириллова книга», оказались востребованы противниками церковной реформы, начатой патриархом Никоном.

Раскол в Русской церкви, произошедший в середине XVII в., быстро привел к возникновению достаточно широкого религиозно-общественного движения, известного под именем старообрядчества. Лидеры движения в качестве основополагающего принципа провозгласили верность церковной традиции и утверждали, что они защищают ортодоксальный вариант истинного русского православия. Официальная церковь, естественно, не соглашалась с данной точкой зрения и пыталась ее опровергнуть в антистарообрядческих сочинениях. Обе стороны использовали рукописные и печатные книги, в которых искали неопровержимые аргументы в пользу своей позиции. Защитники старого обряда сумели привлечь из этого наследия безусловно авторитетные тексты, способные оправдать их право оставаться в оппозиции к нововведениям в обряд и богослужебную практику. В эту сис-

тому книжных авторитетов были включены не только рукописи и старопечатные книги, но и сборник «Кириллова книга», и «Книга о вере» [13, с. 70–123].

Особым уважением у защитников старого обряда пользовалась «Книга о вере», ее 30-я глава постепенно стала основополагающей в их эсхатологических построениях. Официальная церковь, естественно, попыталась высказать сомнение в авторитетности этого текста. Особенно заметно это стремление в вопросах иеромонаха Неофита, которые он адресовал выговцам. В 106-м вопросе, приведя особенно популярную у старообрядцев цитату из 30-й главы о якобы должном состояться в 1666 г. последнем отступлении от веры, после которого последует воцарение антихриста, и, прокомментировав ее, представитель официальной церкви заявил, что это не согласуется со Священным Писанием и словами Христа: «О сем скажите именно, таковую неизвестную Божию тайну, от человек утаенную, по чему познаваете, по каковому Писанием? А Христос Бог наш учеником своим и апостолом сие рек: О дни же том и часе никто же весть, ни ангели небеснии, ни Сын, токмо Отец Мой един» [14, с. 572].

Ответ выговцы начали с обозначения «Книги о вере» в качестве «священной», а автора охарактеризовали как ревнителя православия, «усердного оборонителя Восточной Церкви», «Святых Писаний читателя и ведателя многопремудрого», который «толико книгу сию Священными Писаниями позлати..., от многих историков греческих, польских и латинских толико премножи свидетельства». После панегирических речей в адрес автора и текста «Книги о вере» было сделано соответствующее заключение: «И премудрости, и разума исполнен бе, якоже книга его являет, ибо в светлом краткословии, ясностию разумения, услаждает и вразумляет чюдне, прилежно читающих ю» [14, с. 572–573]. После этого выговцы привели самый важный аргумент в пользу авторитетности «Книги о вере»: «К сим же книгу сию в древлеправославней Церкви свидетельствоваша и повелением великаго государя царя Алексея Михайловича и благословением святейшаго патриарха Иосифа печатно издаша в пользу душам многочисленнаго христианскаго народа великия России» [14, с. 573].

Старообрядцы сумели отстоять свое право оставить этот религиозный учебник западнорусского происхождения в кругу авторитетных. Возможно, это оказало влияние и на их положительное отношение к так называемым литовским книгам – украинским и белорусским рукописям и печатным изданиям конца XVI – начала XVII в., в которых защитники старого обряда находили аргументы в пользу отстаиваемой точки зрения. При этом выговцы для их обозначения использовали термин «белорусские» книги. Замена слова «литовские» вполне объяснима, поскольку этот термин использовался в указах патриарха Филарета о запрете распространения украинских и белорусских рукописей и изданий. По-видимому, для выговцев руководством к действию стало определение православного населения

Польско-Литовского государства, данное патриархом Филаретом в «Указе о белорусцах», который, разумеется, был им известен и активно цитировался³.

В Поморских ответах слово «белорусские» явно используется как синоним «православные», т.е. авторитетные. Например, в ответе 5-м особо выделены книги под следующей рубрикой: «В старых белорусских печатях, греческое согласие имеющих, и под Цареградскими патриархами пасущихся, такожде знаменоватися повелевает» [14, с. 52]. Затем перечислены книги, напечатанные в Вилне, Киеве, Угорцах, Львове, и в конце еще раз подчеркнута, что речь идет о белорусских книгах: «Во всех сих белорусских книгах...» [14, с. 52]. В ответе 50-м наряду с указанием книг «Московской печати», обозначен раздел «Белороссийския печати» в котором названы книги, изданные в Остроге, Вильне, Евье, Киево-Печерской лавре. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом ряду указан и «Потребник белоруския печати», т.е. выговцы, не имея точного сведения о типографии, обозначили, что она находится на территории Белоруссии [14, с. 322–323].

Подобные примеры можно продолжить, но даже из приведенных ясно, что выговцы, прекрасно ориентируясь в западнорусских печатных изданиях, зная, на какой территории расположены типографии, назвали их «белорусскими». В Поморских ответах каждый раз довольно точно обозначена типография, в которой осуществлено издание, или указано ее географическое расположение (например, «киевские» или «белорусские» печати). Скорее всего, выговцы, называя эти книги «белороссийскими», а не «литовскими», стремились придать им еще большую авторитетность. Возможно, на их решение оказало влияние, в том числе, и оформившееся особо уважительное отношение к тексту «Книги о вере», которая, как им было известно, была написана автором на «белорусском языке».

Как сообщает Григорий Яковлев, в «Реэстрѣ книг по азбуце...» в библиотеке Выгорецкого общежития имелись следующие книги: «Вѣра (киевской печати, в четверть) и другая О верѣ (московской печати, при ней и письменная самого автора)» [15, с. 126]. Вторая из названных – это «Книга о верѣ», изданная в Москве в 1648 г. Замечание, что «при ней и письменная, самого автора», означает, что старообрядцы сумели стать обладателями если не оригинала текста, с которого был осуществлен перевод и издание текста в Москве, то одного из авторских вариантов. Высочайший уровень книжной культуры выговцев дает основание доверять данному Григорием Яковлевым определению, что речь идет действительно о рукописи, принадлежащей «самому автору». Среди известных на сегодняшний день четырех рукописей, представляющих допечатную ис-

³ В ответе 4-м выговцы не только процитировали фрагмент из указа, но и четко заявили, что относиться настороженно патриарх Филарет завещал только к части православного населения: «И святейший патриарх Филарет со освященным собором повелевает таковыя обливанныя паки крестити» [14, с. 23].

торию текста «Книги о вере», подобный список отсутствует⁴.

Поморские авторы в XVIII в. неоднократно цитируют «письменную Книгу о вере» (об этом см.: [13, с. 291–317]), указывая на ее белорусское происхождение. Например, в сочинении «Об антихристе. 18 разделов», на поле отмечается, что цитируется рукопись «белорусского писма»⁵. В сборнике из собрания Егорова, составленном во второй половине XVIII в., перед соответствующим фрагментом указывается: «Есть в книге «О православней вере» древней, рукописной, белорусского писма и наречия»⁶. Старообрядцы, не зная имени автора, попытались на основании утверждения о «богодуховности» текста «Книги о вере» дать самую высокую оценку его личности и произведению. В качестве яркого примера можно привести следующую характеристику из поморского эсхатологического сочинения середины XVIII в.: «Сея книги творец – великий богослов и довольный знатель тайн Божиих и святейшими архиереи в том свидетельствованный бьяше, в Дусе Святем глаголати. Подобае тому внимати, аки от Духа Святаго глаголанном»⁷. Утверждение о профетическом даре «творца Книги о вере» позволило старообрядцам не только подтвердить авторитетность текста, но и сделать его основополагающим в эсхатологических построениях.

Возможно, уверенность в белорусском происхождении текста «Книги о вере» обратила внимание выговцев на указ 1620 г. патриарха Филарета, в котором все православное население Киевской митрополии названо «белорусцами». Для старообрядцев важно было придать особый статус православным типографиям, находившимся в конце XVI – начале XVII в. на территории Польско-Литовского государства, и обозначить их одним термином. Они выбрали термин «белорусские» книги, к которым отнесли все издания православных типографий, расположенных на территории Литвы, Украины и Белоруссии. Этот термин выговцы употребили, явно ориентируясь на указ 1620 г., в котором патриарх Филарет призывал относиться к приходящим в Россию из родственной митрополии с большой осторожностью, поскольку условия жизни в

инославном окружении способствовали некоторым отступлениям от истинной веры, а для старообрядцев в начале XVIII в. термин «белорусские» стал синонимом слов «православные», «правильные».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
2. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
3. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
4. «Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Зизанием Катихизиса // Летописи русской литературы и древностей, издаваемых Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2, отд. 2. С. 80–100.
5. Требник иноческий. М., 1639.
6. Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.
7. Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.
8. Флоря Б.Н. Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 179–187.
9. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М., 2003.
10. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.
11. Савельева Н.В. Кто был автором «Книги о вере»? // Русская литература. 2010. № 4. С. 149–154.
12. Савельева Н.В. Неизвестный западнорусский книжник Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.
13. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
14. Поморские ответы. М.: Изд-во Московского старообрядческого братства, б/г (Репринт. воспроизвед.).
15. Яковлев Григорий. Извещение праведное о расколе беспоповщины. М., 1888.

Статья поступила
в редакцию 21.11.2013

⁴ Перечень дошедших до нас рукописных списков текста «Книги о вере» и их анализ см.: [12, с. 87–91].

⁵ РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 1748. Л. 77, 153 об.

⁶ Там же. № 1848. Л. 43.

⁷ Там же. № 1042. Л. 47.